

Люсия
Веденская

18+

ОБНАЖАЯ
Тьму

Люсия Веденская

Обнажая тьму

«Литнет»

2025

Веденская Л.

Обнажая тьму / Л. Веденская — «Литнет», 2025

— Все еще думаешь, что охотишься на меня?— Это моя работа.— Ты меня не остановишь. Ты хочешь знать, что будет дальше.— Я хочу, чтобы ты исчез. — Ложь. Не притворяйся, Ара. Меня не нужно обманывать.— Ты играешь с огнем.— Нет. Я играю с тобой. И тебе это нравится больше, чем ты готова признать.— Ты больной.— А ты — слишком живая, когда рядом со мной.*** Он убивает ради нее. С каждым днем становится все труднее понять, где заканчивается охота и начинается искушение. Когда в Нью-Йорке находят первое тело, Ара считает это просто очередным делом — жестоким, но не уникальным. Но вскоре становится ясно: за убийствами стоит тот, кто уже долго следит за ней. Он устраняет лишь тех, кто заслужил смерть. И каждый раз словно шепчет между строк: я рядом, я вижу тебя, я понимаю. Он играет с ней методично и жестоко. Чем дальше заходит расследование, тем тоньше становится грань между долгом и одержимостью. В человеке, которого она должна остановить, Ара чувствует силу, способную разрушить ее изнутри и одновременно исцелить то, что давно болит. Он угроза, которую нельзя игнорировать. И единственный, кто смотрит на нее так, словно за ее мраком не уродство, а спасение. Она обязана его поймать, но уже не уверена, что действительно этого хочет. Строго 18+

© Веденская Л., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Первая глава	5
Вторая глава	12
Третья глава	19
Четвертая глава	25
Пятая глава	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Первая глава

Он лежит рядом, разгоряченный, тяжело дышит, кожа блестит от пота, а в глазах все еще тлеет вожделение. Кай всегда такой: настойчивый, дерзкий, уверенный, будто все держит под контролем. Даже меня. Особенно меня.

Я отворачиваюсь к стене. Простыня сползает, обнажая плечо, но мне все равно. Холодный воздух ласкает разгоряченную кожу, и все во мне хочет замереть, остановиться хоть на мгновение, чтобы не чувствовать это пресыщение, эту опустошающую близость, обычно ничего не дающую: ни искры, ни покоя. Только быстрое удовольствие, в котором я постоянно пытаюсь найти что-то большее.

— Ты снова ускользаешь, — лениво говорит он, проводя пальцами по моей пояснице.
Я не отвечаю. Плавню встаю, тянусь за рубашкой, оставленной у кровати, и слышу, как он шумно выдыхает. Наверное, устал от моего молчания. Впрочем, я тоже.

— Может, на этот раз останешься? — Кай спрашивает меня почти нежно, но я прекрасно знаю, что это притворство. Он не может быть нежным, просто не умеет.
— А зачем? — отвечаю, не оборачиваясь. Мои пальцы дрожат, когда застегиваю пуговицы, и в итоге я одеваюсь слишком медленно, почти ритуально. — Все, что нужно, мы уже сделали.

— Иногда мне кажется, что ты из стали, Ара.
— Ну, тебе кажется.

Он замолкает, как всегда не переходя грань этого момента — между раздражением и возбуждением. Мы слишком похожи: амбициозные, острые, привыкли пробивать дорогу кулаками и холодным взглядом. Только он все еще верит, что внутри нас что-то осталось, поэтому не хочет ломать эти отношения. А я давно не уверена в том, что по-настоящему жива.

Телефон вибрирует на тумбочке. Я поднимаю его, не спеша. Рэйчел, старший детектив, отдел убийств. Странно, я ведь на больничном. Они обещали месяц. Обещали...

— Что? — отвечаю коротко, на длинные приветствия нет сил.
— Убит Джаред Санчес.
Имя гудит в ушах, как выстрел.
— Ты уверена?
— Он. Сюрприз в кармане: клочок бумаги с твоим именем.

Мир как будто сжимается до одной точки. Потолок, простыня, запах чужого тела — все блекнет. Остается только голос в трубке и биение собственного сердца, как глухой барабан.

— Жду тебя через тридцать минут. И, Ара... — пауза звучит слишком отчетливо. — Это не совпадение. Адрес выслала.

Кладу телефон обратно, поднимаю с пола трусики.
— Неужели работа? — спрашивает Кай, садясь, тело его все еще тянется ко мне.
— Да.

Я отворачиваюсь, но комната будто плывет на секунду. В глазах темнеет — резко, как будто кто-то выключил свет. Чувствую короткий неприятный импульс — он отдает в глаз и глубже, в сам мозг. Словно системы организма стабилизируются. Но это не страшно, так бывает. Особенно после перенапряжения. Тем более после секса.

Я делаю вдох, глубокий, сосредоточенный. Стараюсь не показать, как бешено заколотилось сердце. В груди все сжалось, будто не хватает воздуха, но я уже знаю, как это назвать. Паническая атака. Остаточное явление после ранения.

Я справляюсь. Всегда справляюсь. Но каждую чертову минуту напоминаю себе, что моя голова больше не совсем моя.

Сейчас, правда, все проходит легко. Одно только угрожающее мгновение, которое тут же отступает, возвращая мне меня.

— Почему вызвали тебя? Ты же на больничном? — возмущается мужчина, но я то знаю, что это не из-за чувства беспокойства за меня, а из-за желания контролировать все интересные дела самому.

Я надеваю черный кожаный плащ, тот самый, который ношу уже много лет — с потертыми краями, немного грубый, немного тяжелый, как воспоминания. Закрываю за собой дверь в квартиру Кая, спускаюсь вниз, и улица обрушивается на меня гулом Нью-Йорка: влажным, шумным, живым.
 Я снова в деле. Только на этот раз кто-то играет лично со мной.

Переулок на Бруклин-авеню встречается запахом гари и канализации. Свет от фонарей выхватывает из темноты размытые силуэты полицейских, сигнальные ленты дрожат на ветру, как нервные пальцы. Я выхожу из машины, и воздух тут словно гуще — плотный, будто напитан чем-то тяжелым. Смертью или, как минимум, страхом.

— Ара, — Рэйчел кивает мне с угла, лицо хмурое. Она не здоровается — просто отходит в сторону, давая пройти. Значит, все действительно серьезно.

Тело Джареда накрыто черным мешком, но мне и не нужно видеть его лицо — я помню. У него была привычка громко чавкать, когда ел. И слишком мягкий голос для тех дел, в которых он варился. Информатор. Мелкий жулик, который вдруг решил, что может быть чем-то большим или лучшим.

— Как его нашли? — я присаживаюсь у мешка, ловлю взгляд судмедэксперта.

— Жильцы услышали выстрелы, но никто не вышел. Пять выстрелов, две пули в голову, три — контрольные по корпусу. Работали чисто. И...

Он не договаривает. Только подает мне зип-пакет с уликой.

Листок. Мягкий, но уже расправленный руками коллег. Почерк крупный, чуть угловатый.
 «Для Ары. Он был гнилью».

Сердце сбивается с ритма. В горле вяжет чего-то брезгливого и слишком личного.

— Шутка какая-то? — спрашиваю слишком хрипло.
 Рэйчел молчит. Она не думает, что это шутка.

На секунду все сдвигается со своего места, шум переулка заглушается, дыхание сбивается. Чувствую скачок давления, резкое изменение пульса. Тело вспоминает, каково это — когда твое тело пробивает пуля, когда мир проваливается в черноту, а потом возвращается к тебе через боль и тишину.

Я впираюсь пальцами в ближайшую стену. Просто стою, пока не отпустит, и мир вокруг не перестанет кружиться.

Считай. Дыши. Пять — четыре — три...

Проходит. Почти.

— Бумагу всунули в карман после. Уже после убийства, она торчала совсем на виду, — говорит кто-то из криминалистов за спиной.

— Камеры? — снова бросаю короткий вопрос Рэйчел.

— Только в дальнем углу. Уловили свет фар и тень, силуэт человека в капюшоне. Ни лица, ни номера машины. Все профессионально.

Конечно. Слишком профессионально для того, кто знал, где именно Джаред будет. Он ведь собирался на встречу с нами, с полицией. Во время лечения я перестала работать с ним напрямую, но информацию он все также приносил исправно, просто уже другим контактными лицам.

Я поднимаюсь. В углу лежит гильза. Чистая, без отпечатков, ее еще не успели упаковать, как улику. Но на стене, чуть выше уровня глаз — странный знак. Почти незаметный, очень спешно выцарапанный чем-то острым, но вполне конкретный и чужеродный, как будто ему тут не место.

— Что это? — спрашиваю Рэйчел.
 Она качает головой:

— Пока не знаем. Но кое-что любопытное... Такой же символ был на мешке с телом, найденном три месяца назад в Бронксе. Тоже бывший дилер. Тоже ушел «на чистую». И, вроде, еще одно похожее дело было у Джереми.

Что-то сжимается в груди. Это может быть не просто убийство, а зачистка информаторов полиции.
 И тела эти теперь посвящены мне.

Это угроза или предупреждение? Или что-то куда более извращенное? Попытка привлечь мое внимание?

В этот момент я чувствую, что меня уже втянули. Не потому, что Джаред был связан с нами. А потому, что убийца считает, что я теперь часть его игры. Может, уже не просто часть, а конкретная цель.

А если он прав?

— Ты вызвала подмогу? — говорит Рэйчел, сдержанно кивая в сторону улицы.
 — Нет, конечно, не люблю толпу на месте, — отвечаю сухо, на эмоции нет сил. — Я и так не уверена, что убийца не наблюдает тут за нами, зачем еще зрители.

Я выхожу из переулка. Туман над крышами, серо-белый, как дышащий призрак. Пахнет влажным асфальтом, старой кровью и бензином. В переулке пусто.

И тут я вижу его — «подмогу», про которую спросила Рэйчел.

Он идет медленно, как будто не торопится, но точно знает, куда направляется. В темно-синей куртке поверх футболки, с привычной наглой походкой человека, которому нечего бояться.

Кай.

— Ты чертовски быстро узнал о трупе, — говорю я вместо приветствия.
 Он на секунду замирает, потом улыбается, как будто все это — просто совпадение:
 — Шел мимо.
 — Правда? Мимо трупа моего информатора? В заброшенном квартале, где даже патруль не ездит?

— Найт, не обижайся. Я соскучился, — он подходит ближе, в голосе — ленивое мурлыканье. — После того, как ты так мило сбежала, я подумал, что можно сразу навестить тебя. Может, захочешь вернуться в постель?

Я стою неподвижно. Ни один мускул на лице не дергается. А внутри — шум, как в ушах после взрыва.

— Ты хочешь сказать, что шел ко мне домой и случайно наткнулся на место преступления?
 Он не отвечает сразу. Только смотрит — как в той комнате, где я лежала под ним и верила, что это просто ночь. Что мы просто играем в игру без последствий.

— Может, я знал, где ты будешь, — тихо говорит он. — Может, у меня тоже был запланирован разговор с Джаредом.

Я резко вдыхаю и сжимаю кулаки.

— Кай, ты ведь не...
 — Нет, — перебивает он. — Я не убивал его.

Голос спокойный. Но слишком четкий, как будто он репетировал это перед зеркалом.

— Но может кто-то захочет, чтобы ты думала иначе, — добавляет он. — Может, чтобы ты пошла по ложному следу. Может, чтобы ты пришла ко мне — снова.

Он делает шаг ближе.
 И я чувствую, что от него все еще пахнет моим телом. Моим потом. Моим страхом.
 Это сводит с ума.

— И что мне теперь с тобой делать? — шепчу едва слышно, словно самой себе. — Послать подальше? Или снова трахнуть?
 Он улыбается:
 — Ты же знаешь, что эти два пункта не обязательно исключают друг друга.

Я делаю шаг назад. Потому что все во мне хочет остаться с ним и опять попробовать забыться. А нельзя. Да и не получится.

— Исчезни отсюда, Кай. Пока я не передумала. Иначе скажу твоему руководству, что наркоконтроль лезет, куда не следует.

Он послушно уходит, это ведь не его дело, его не вызывали на место. Уходит так спокойно, как будто вообще не собирался задерживаться или будто все уже сделал — и просто проверил мою реакцию.

И вот тогда я чувствую, как по спине бежит холод.
Потому что кто-то убивает, чтобы понравиться мне.
И он слишком хорошо знает, какие лица я запоминаю надолго.

Я не оборачиваюсь, пока не слышу, как полностью стихает звук его шагов по мокрому асфальту. Только тогда позволяю себе двигаться дальше — туда, где все должно обрести форму.

В скором времени я тоже покидаю место преступления, отправляюсь в офис, чтобы начать собирать этот странный пазл. С больничным я уже мысленно попрощалась, сразу стало очевидно, что преступление не первое и, наверняка, не последнее. И если все они связаны со мной, то меня теперь ждет не отдых и восстановление после очередной серии медицинских манипуляций, а долгие недели, если не месяцы, работы без выходных.

В офисе пахнет застарелым кофе и кондиционером. Флуоресцентный свет давит на глаза. Я стою, облокотившись на стол, и смотрю на имеющиеся фотографии.

Рядом с телом Джареда — аккуратно вырезанный символ. Маленький круг, перечеркнутый вертикальной чертой, и под ним — ломаная линия, как короткая молния.

— Все это становится похожим на почерк, — говорит Рэйчел, подвигая ко мне отчет судмедо по прошлому делу. — Убийство чистое. В первом случае, правда, одно точное движение, шея перерезана хирургически. Ни драки, ни шума. Орудие не нашли.
— Еще есть отличие, — кивает Джереми, еще один детектив в отделе убийств, с соседнего кресла. Он щелкает ручкой, нервничает. — В моем деле все сходится с этими двумя, кроме одного. Тогда жертва была адвокатом.

— А теперь — еще один наш информатор, — говорю я тихо.

Я бросаю взгляд на доску. Первое дело, полгода назад. Частный юрист, которого никто не особенно жалел. Потом — тишина.

Пару месяцев назад — труп в черном мешке, еще один информатор полиции, член наркокартеля. Тогда преступление сильно не заинтересовало никого, все списали на внутренние терки черных торговцев.
И вот — Джаред Санчес, бывший наводчик картеля. Продажный до костей, но стал сотрудничать. Я сама его завербовала.

— Он начал сливать информацию не так давно, — говорю вслух, будто собирая мысль по кусочкам. — Кто-то следил. Кто-то знал.
— Только своих мог сдать, — хмуро добавляет Рэйчел. — Значит, кто-то из них понял.
— Или кто-то из нас слил, — роняет Джереми.

Мы все замолкаем.

Я поворачиваюсь обратно к фото. Символ на стене вырезан аккуратно, насколько это возможно, почти нежно. Ничего больше вокруг, только эти довольно четкие линии. Как будто не просто убили, а подписали законченную картину.

— Это сообщение, — говорю я. — И оно не для картеля. Не для полиции.
— А для кого? — Рэйчел смотрит внимательно.

— Для меня, — отвечаю честно, как думаю сама. И чувствую, как холодно становится внутри.

— Ты думаешь, он оставил записку намеренно? — Джереми подается вперед, указывая на фото. — Или это спонтанная импровизация?

— Слишком чисто для импровизации, — отвечаю я и уже тянулась за планшетом, когда вспышка боли резко пронзает висок.

— Ара? — Голос Рэйчел прорезает туман.

— Все нормально, — шепчу я, но язык едва ворочается.

Мир дергается. На секунду все — фото, свет, даже дыхание Рэйчел — отдаляется, будто что-то меня выталкивает из тела и оставляет наблюдать со стороны. Я замираю, пытаюсь ухватиться за поверхность стола, как за спасательный круг.

Пространство вокруг искажается до совсем неузнаваемых черт — как в кино, когда резко меняется фокус: люди говорят, двигаются, но до тебя доносится только гул. В висок почти по-

настоящему вонзается что-то острое, будто кто-то ввинтил металлический стержень за глазом и медленно начал крутить.

Я почти всем весом навалилась на стол, ногти врезались в дерево.

Только не сейчас. Только не при них.

Мир двоится. На долю секунды мне кажется, что я снова в палате: теплый свет, стерильный воздух, и кто-то зовет по полному имени: не Ара, а Арабелла. То имя, которое звучит как насмешка теперь. Глупо, слишком изящно, чтобы принадлежать кому-то, кто на себе таскает такую память.

— Это снова...? — Джереми не заканчивает свой вопрос. Он прекрасно знает что со мной.

Я киваю и опускаю невидящий взгляд, выделяя себе ровно три секунды слабости. Только три.

— Все в порядке. Просто мигрень. Не выпалась.

Замечаю, как коллеги обмениваются взглядами. Ни слова, ни одного лишнего комментария — и в этом всегда была их особая сила. Ни жалости, ни нажима, только молчаливое присутствие. Они ждут, пока я вернусь в себя, а я — пока не перестанут дрожать руки.

— Слишком чисто, — продолжает Джереми мою мысль, глядя на фото с места убийства. — Ни одной зацепки, даже волоса.

— Значит, не импровизация, — тихо сказала Рэйчел, возвращаясь к снимку. — Он хотел, чтобы ты нашла это первой.

Я слышу все где-то на фоне, все еще пытаюсь совладать со своим телом, поэтому не отвечаю.

Это не просто мигрень, а тот самый выстрел. Снова. Мир дрожит, плывет. Перед глазами не стол. Кровь. Стена в переулке. Снег на асфальте, серый, как прах. Шаги позади. И лицо, вынырнувшее из тьмы — бледное, искаженное, как у марионетки, которой сорвали нити. «Ты ведь всегда была ближе, чем остальные», — прошипел он тогда, и пуля вошла мне в голову, как будто я уже заранее знала, как она раскалывает мой череп.

— Ара? — голос Рэйчел выдернул меня обратно в настоящее.

Я снова возвращаюсь мыслями в участок. Сажу в свое кресло. Свет лампы полосит в глазах, зрение еще не восстановилось. Сердце грохочет, как в ту секунду, когда меня нашел отряд. Когда я еще жила — чудом, вопреки своим ощущениям и последующим прогнозам врачей.

— Ара, — поворачивается ко мне мужчина. — Нам не обязательно заканчивать сегодня.

— Обязательно, — с трудом ответила я. — Он говорит со мной, Джереми. И если я не отвечу, он заговорит с кем-то другим.

Я с усилием моргаю правым глазом. Левый реагирует с опозданием: с искусственным глазным имплантом веко не всегда успевало за телом. Глаз был почти идеален. Почти. Иногда я забывала о нем, даже в зеркале собственный взгляд казался обычным. Иногда — чувствовала слишком остро.

В груди все еще дрожит — тонко, как нитка на грани разрыва. Мне не впервой притворяться, что все хорошо. Я сделала это в тот день, когда проснулась с одной мыслью: я выжила. А потом сразу за ней пришла вторая: а если зря? Теперь притворство и этот вопрос преследуют меня всегда.

Полтора года назад я вела дело человека, которого СМИ прозвали Смотрящий. Он охотился за женщинами, разыгрывая перед камерами сцены смерти, как театральные пьесы. Каждое убийство было посвящением — с письмом к общественности, с личной меткой. Я шла по его следу десять месяцев. И когда, наконец, загнала его в ловушку, он успел выстрелить.

Пуля вошла в висок, задела кору, но не разрушила память. Я выжила. Меня спасли. Имплант появился, чтобы я могла вернуться, не потеряв собственную личность.

Но что-то внутри так и не восстановилось до конца.

— Все в порядке, — окончательно придя в себя, выдавливаю я. — Просто мигрень. Я в норме.

Рэйчел не верит мне. Джереми — тоже. Но все еще воздерживаются от комментариев. И за это я мысленно благодарю их.

— Ара, — сказал Джереми. — Если тебе нужно время...

— У нас его нет, — перебила я. — Он знает, кто я. И он хочет, чтобы я знала его. Чтобы я почувствовала. Это не просто подпись. Это приглашение. Адресовано мне.

Рэйчел поднимает глаза. Она не спорит — она чувствует то же самое.

— Значит, это дело станет личным, — тихо произносит она.

Я киваю.

— Уже стало.

Спустя много часов мы как будто не особо продвигаемся в этом деле. Отрабатываем необходимое, вроде движемся по задачам, но к пониманию не приближаемся,

Патрульные уже успели обойти свидетелей, поговорить с соседями, с теми, кто знал убитого. Кто-то сочувствовал. Кто-то радовался. Кто-то равнодушно пожал плечами. Ни одна из фраз не оставила следа. Только пустота и тишина, скучная статистика на бумаге без единой подсказки.

Я читаю рапорты, вглядываюсь в строчки, пытаюсь зацепиться хоть за что-то. Но все мимо. Все рассыпается. Каждое предположение — тупик.

— Иди домой, Ара, — говорит Рэйчел. — Все равно больше ничего не выжмем. Хватит на сегодня.

Я киваю, хотя внутри все сжимается. Хочется остаться. Хочется не сдаваться. Но тело говорит громче: боль в висках, в шее, в пояснице. Это явно мой предел сегодня.

Город глухой, как выдох. Еще не утро, но ночь уже отжила свое, оставив после себя пустоту, похожую на недопитую чашку — остывшую, никому не нужную. За последние сутки я совсем не успела поспать, нужно хотя бы попробовать наверстать упущенное.

Я выхожу из участка в мокрую тишину. Мелкий дождь липнет к лицу, не освежает — раздражает. Кожа натянута, как после ожога, мысли спутаны. Все это не кажется реальным. И слишком реальным одновременно.

Квартира встречает меня темнотой. Не уютной, как того хотелось бы, а пугающе пустой. Пахнет пылью и забытым вчера. Даже не включаю свет. Ключи звякают о полку, куртка соскальзывает на пол, ботинки остаются у порога. Я падаю на диван, не раздеваясь, просто роняю собственное тело с единственным желанием — лечь. Перестать держаться.

Но как только закрываю глаза, внутри что-то щелкает.

Сердце.

Бьется неестественно. Слишком быстро. Слишком резко. Как будто грудная клетка вот-вот треснет. Воздуха нет. Его просто нет. Дышать становится труднее.

Я сажусь. Не помогает. Все становится намного ближе ко мне. Слишком близко Стены, потолок, собственное тело — как будто давит со всех сторон.

«Ты в безопасности», — шепчу себе, но голос дрожит.

Пальцы холодеют. Грудь сжимает в тисках. Сердце колотится, будто я снова лежу в той подворотне. Тогда — простреленный череп, крики надо мной, кровь на ладонях. Сейчас — просто ночь. Просто квартира. Просто я.

Но тело не верит.

Я встаю. Хожу по комнате, как в клетке. Туда-сюда. Воздух. Мне нужен воздух. Открываю окно — и дрожу под потоком дождя, который заметно усилился к рассвету. Лицо мокрое, не получается понять, что это: дождевая вода или мои слезы.

Это не страх. Это не слабость. Это остаток чего-то, что я не смогла выжечь из себя. Словно кусок пули, который забыли достать из мозга и который теперь настойчиво напоминает о себе.

Паника отступает медленно. Я сижу на полу под окном, прислонившись к холодной стене, слушаю, как сердце сбивается с ритма и снова приходит в себя. Как будто я тоже возвращаюсь. По чуть-чуть. Очень медленно. Стараясь не спугнуть саму себя

Сон все равно приходит. Не потому что я готова к нему или совсем уж устала. А просто потому что больше нет сил не спать.

Также приглашаю вас в мой новый детектив **«Бедная Лаура умерла дважды»**: <https://litnet.com/shrt/P7nE>

Вторая глава

Я просыпаюсь в полной тишине, вокруг меня выключили вообще весь звук. Тишина зависает в воздухе, и я даже дышу осторожно, чтобы не потревожить кого-то, только не знаю кого. Себя, наверное.

За окном еще темно, и нет нужды смотреть на часы, чтобы понять: город спит, а я — снова нет. У меня снова сломанный сон. Либо проваливаюсь в забытие, как в омут, и не могу вынырнуть из сна сутками, либо вот так: вскакиваю до рассвета с ощущением, будто всю ночь кто-то незаметно дергал меня за нервы.

Сегодня — второй вариант. И, пожалуй, это даже к лучшему: у меня ведь есть веский повод встать пораньше. Есть дело, в которое можно провалиться с головой, в которое нужно провалиться.

Я опускаю ноги на пол и поднимаюсь. Все еще в той же рубашке, в которой пришла домой, мятой, с запахом чужого табака и моей усталости. Брюки тоже на мне. Ноги затекли. Я раздеваюсь уже по пути в ванную, оставляя одежду на полу возле спальни — комом, как сам вчерашний вечер. Недалеко валяется точно такой же ком одежды, оставленный там днем раньше.

В ванной я включаю воду на полную, и она, как и ожидалось, льется холодной. Это не наказание, просто необходимость, чтобы проснуться и хоть как-то настроиться. Дело не в настроении, просто пока тело остывает, разум медленно собирается в фокус, как если бы я физически заставляла себя думать. Я прислоняюсь лбом к кафелю, ощущая гладкую глянцевую поверхность под кожей, и позволяю себе еще несколько секунд стояния в потоке. Просто быть.

После душа накидываю серую футболку, длинную, аж до колен, как платье. Мягкая, до середины бедра. Ни белья, ни мыслей, сегодня мне нужен абсолютный домашний комфорт. А теперь требуется еще только кофе.

Кофемашина фыркает и гудит, будто раздражена, что ее разбудили слишком рано. Двойной эспрессо, минимум сантиментов. Пока ароматная жижа капает в чашку, я хватаю из холодильника бутылку холодной минералки и открываю ее о край раковины. Слышится приятный звон стекла о каменную поверхность, почти хруст сгибаемой металлической крышечки.

С кружкой кофе в одной руке и бутылкой в другой перехожу в гостиную. Там все на своих местах — или, точнее, не на местах. Низкий стол перед телевизором завален книгами, распечатками, папками. Вперемешку валяются стикеры, одна тонкая серебряная цепочка, резинка для волос, пустая чашка и фантик от протеинового батончика. Настоящее рабочее болото.

Я сгребая все на одну половину, освобождая место. Что-то с глухим стуком падает на пол. Даже не смотрю, что именно, все равно вернусь к этому позже, а сейчас есть дела поважнее.

На свободную поверхность ставлю воду и кофе. Затем вытаскиваю из сумки материалы по новому делу, те, что еще вчера не отпускали меня даже по пути домой. Бумаги, фотографии, диктофон. Один взгляд — и внутри уже срабатывает что-то автоматическое.

Материалы по новому делу все еще пахнут полиграфией и чем-то медицинским. Снова вижу давно знакомое имя. Вижу лицо моего информатора — его я уже не забуду. Пора работать.

Я снова смотрю на материалы по делу. Те самые, что гоняла по кругу весь вчерашний день, будто надеялась, что при двадцать шестом взгляде появится нечто новое. Подсказка. Догадка. Хотя бы намек. Но нет. Только сухие факты. Только аккуратный печатный шрифт, ровный почерк и фотографии, которые уже не пробуждают эмоций, лишь одно только настойчивое ощущение, что я упускаю нечто важное.

Я действительно привела в полицию Джареда Санчеса — это так. Это мое достижение или поражение. Мой источник в картеле, мой выбор для сотрудничества. Но другие две

жертвы... я не знала их. Не пересекалась ни в делах, ни в личном поле. Никогда не связывалась.
 Так почему они? Впрочем, мне они не были посвящены, но все же были связана со мной одним этим только символом. Понять бы еще, что он значит.

Мой взгляд скользит в сторону, туда, где хаос захламливаемого столика уже принял форму живого существа. Среди бумаг и ненужных мелочей — папка по Смотрящему.
 Именно она цепляет меня, будто намеренно. Папка лежит неровно, наискосок, словно только что упала. Или сама сдвинулась ближе.

Я замираю.
 Тело реагирует быстрее разума. Меня передергивает, как от внутреннего тока. Сердце делает лишний удар. Пальцы сжимаются. Паника приходит мгновенно — как холодный всплеск в лицо, как четкое напоминание, что я не забыла.

Но и уходит это болезненное ощущение быстро.
 Я еще здесь. Я выжила. Я закрыла то дело. Значит, справлюсь и с этим. У меня есть голова, руки, двойной эспрессо и часов шесть до запланированного выхода в участок. Этого более чем достаточно.
 Пока жива — можно работать. Пока здорова — можно думать. Пока не упала — можно поднять других.

В тишине квартиры срабатывает автоответчик. Старенькая модель телефона, которой я не собираюсь изменять.
 Он щелкает и включает запись: любимый способ никогда не брать трубку и не чувствовать вины. Я с детства знала, что если хочешь тишины — заведи себе стационарник с автоответом. Парадоксально, но в Нью-Йорке таких моделей все еще полно — возможно, из-за ностальгии. Возможно, потому что некоторым взрослым проще нажать кнопку, чем слушать свой собственный голос в мобильном.

— Привет, милая! — голос мамы звучит одновременно бодро и натужно. Она делает вид, что все всегда хорошо, потому что не умеет иначе. — У нас с Мэттом все в порядке. Мы наконец-то поменяли машину, представляешь? Сестра твоя, ну, ты же знаешь наверное уже, она пошла на стажировку. Юридическая фирма, приличное место. Может, хоть у нее будет все нормально.

Я не отвечаю, не двигаюсь, даже не моргаю. Может, хоть у нее будет все нормально...

Папка по Смотрящему все еще лежит рядом. Материалы по текущему делу — передо мной. Где-то посередине между ними — моя вина или моя иллюзия контроля.

Слышу, как монолог мамы заканчивается словами «...ну, ты там держись, ладно?» и писком уходит в тишину.

Мой кофе давно остыл. Я делаю два быстрых глотка, не чувствуя вкуса, и вглядываюсь в бумагу. Важно сосредоточиться, только это сейчас имеет значение.

День тянется бессмысленно.
 Я вчитываюсь в бумаги, как будто в них может быть нечто, что я просто упускаю из виду, но строчки все также молчат. Фотографии не дают новых деталей. Распечатки вызывают раздражение. К полудню я успеваю трижды перебрать имеющиеся досье, дважды потерять мысль, один раз пролить воду и съесть половинку вчерашнего круассана, уже чуть резинового.

Информация остается неподатливой.
 Я ищу связи между жертвами и не нахожу. Сравниваю места, привычки, знакомства — ноль продвижения. Как будто их объединило нечто вне логики. Или кто-то, кто знает меня лучше, чем я готова признать.

Телефон звонит в почти в час дня.
 Не домашний — мобильный, рабочий. Единственная причина, по которой я еще не выкинула его в Гудзон.
 На экране: «Рэйчел».

— У нас новый труп, — говорит она без вступлений. Этим она мне всегда и нравилась, такая же, как и я, увлеченная работой, неготовая тратить драгоценное время на всякую ерунду. Голос ровный, но с ноткой, от которой внутри все чуть сжимается от нехорошего предчувствия. — Он снова постарался для тебя, Ара.
 — Ты уверена?
 — Более чем. Подготовься. Это не из приятных. Я уже на месте, пришлю адрес.

Связь обрывается.

Все внутри сразу становится слишком четким и конкретным. Как будто день, который был расфокусированной серой массой, внезапно прорезается острой гранью. Все равно размышлять и тянуть время теперь некогда.

Я вскакиваю со своего импровизированного рабочего места.
 Рука сама тянется к креслу, к джинсам, которые я бросила туда сразу после покупки на прошлой неделе.
 Резким движением обрываю бирку, слышу легкий треск картона и пластика. Натягиваю. Серую домашнюю футболку заправляю внутрь, движения резкие, сосредоточенные.

Хвост на затылке. Черный кожаный плащ — старый, мягкий, будто уже сам знает, как обволакивать плечи. Кожаные ботинки — удобные, проверенные.

Материалы по делу смахиваю со стола в сумку, не разбирая. Захватываю новую бутылку минералки, по пути отпивая прямо на ходу. Холодная, резкая, как плевок в лицо — именно то, что нужно.

На выходе ногой захлопываю дверь, замок щелкает за спиной.
 Я уже не дома. Я — в деле.

Но как бы я ни была погружена в него, к такому не готовишься.
 К этому невозможно подготовиться.
 Ни к одному телу. Ни к одному лицу, навсегда оставшемуся один на один с пустотой.
 Но тяжелее всего — когда это касается детей. Даже косвенно.

Рэйчел встречает меня у входа. Кивок, и мы уже проходим внутрь.
 Квартира одна из тех, что редко видишь своими глазами, разве что на обложке интерьерного журнала. Светлая, просторная, с высокими окнами, французским текстилем и мягкими цветами в отделке. Здесь все про вкус, про комфорт. И про деньги, конечно же, про очень-очень большие деньги.

И в этом безупречном уюте теперь повсюду чужие следы. На мраморном столике полицейская папка, на полу у кухни — следы от чьих-то ботинок, слишком грубых для этой квартиры. Пара чемоданчиков криминалистов у входа.
 Еще немного выбивается из интерьера здесь — игрушки. Бесконечные игрушки, которые встречаются на каждом квадратном метре. Детские книжки на журнальном столике, мягкий заяц на подоконнике, кукольный домик в углу. Но все расставлено по местам, ничего не валяется. Здесь раньше был порядок, и, кажется, любовь.

Раньше здесь было как-то иначе, а теперь мертвое тело лежит на диване в гостиной. Простыня накрывает фигуру, но ничего не скрывает по-настоящему. Из-под ткани выбивается изящная рука с тонким браслетом и идеальным маникюром. Светлый локон, слишком живой, чтобы быть частью мертвого. И поза — будто она просто прилегла отдохнуть.
 Слишком тихо. Слишком красиво.

Я не спрашиваю — только смотрю.
 Рэйчел, как всегда рядом, чуть впереди. Указывает взглядом на дальнюю дверь. Оказывается, там в детской, ждет дочь жертвы с домработницей.

— Она была здесь? — спрашиваю почти шепотом.
 Рэйчел не говорит, только кивает.

Во рту пересыхает, я сдержанной сглатываю, по привычке:
 — Я поговорю с ней. Позже.
 Рэйчел снова молча кивает. Ее лицо гладкое, нейтральное, эмоций оно никогда не выражает. Но я знаю наверняка — ей тоже тяжело.

Я делаю шаг назад. Мне нужно успокоиться, нужно быть той, кого они хотят видеть. Той, кто действительно может помочь.
 Взгляд снова падает на руку, потом на белый локон, идеально чистую подушку. Все не к месту. Как и смерть в этой квартире, где все кричит о жизни.

Я отрываю взгляд от простыни и заставляю себя вернуться в дело. Дышу медленно, как учили врачи и особенно мой психиатр. Думаю последовательно. Потому что кто-то должен.

— Что известно? — голос уже стал ровнее, не такой сдавленный, как минуту назад.

Рэйчел сразу отвечает. Она всегда держит информацию под рукой, но голове, не на бумагах:

— Жертва — Лора Мелтон, тридцать пять лет. Бизнесвумен, владела косметической компанией. Специализировались на уходе за кожей, омолаживающих процедурах, чуть больше года назад запустили линейку уходовой косметики. Компания шла уверенно, без скандалов, без долгов.

— Дочь?

— Восемь лет. Имя — Эмма. Обычная школа, без частного статуса. Она была в своей комнате. Не проснулась, ничего не видела, ничего не слышала, — Рэйчел чуть понижает голос. — Домработница пришла утром, как обычно. Нашла тело, вызвала полицию, и осталась с девочкой, чтобы не дать ей столкнуться с... этим. Она же разбудила Эмму, оставила ее в комнате, держала подальше. Мы уже с ней поговорили, она вменяема, понятна, проверена.

Я киваю. Вся процедура знакома, слишком привычна, вопросы — стандартные. Как будто можно найти утешение в процедурности.

— Мужа нет, — продолжает Рэйчел. — И вообще — никого. Родителей нет, братьев-сестер нет. Сейчас опрашиваем соседей, сотрудников, друзей — если они есть. Пока пусто. Но это все — не главное. Главное... — она делает паузу, чуть слишком долгую. — Главное ждет тебя на кухне.

Я морщусь: — Что может быть важнее того, что здесь уже есть?

Рэйчел не отвечает. Только чуть поворачивается, делая шаг в сторону кухни и приглашая меня туда.

Я остаюсь на секунду, просто чтобы лишний раз вдохнуть и сосредоточиться. Тело остается на диване. Девочка все еще в спальне. Убийца наверняка где-то рядом, уже сделал второй шаг в мою зону. Если это снова обо мне, как утверждала Рэйчел, то теперь счет уравнивать будет сложнее — слишком жестокое преступление, слишком неподходящая жертва, чтобы можно было ее как-то оправдать.

Я иду на кухню, как во сне. Медленно, вразнобой, будто ноги мои принадлежат кому-то другому. Подсознание уже кричит, что я увижу там — еще до того, как глаза поймают детали. И все же иду, потому что назад уже нельзя, отступить поздно.

Свет в кухне заливает все вокруг: дневной, слепяще-яркий, почти стерильный. Все кажется чистым, продуманным, дизайнерским — до той секунды, пока взгляд не поднимается выше стола.

На стене, прямо напротив огромного окна, розовым маркером выведена его подпись. Маленький круг, перечеркнутый вертикальной линией, а под ним — ломаная, будто обрывистая короткая молния.

Я замираю как на жуткой грани дежавю. Как если бы кто-то вскрыл старую, не до конца затянувшуюся рану. Опять этот символ, но теперь он появился слишком скоро. Убийца не делает даже пауз, он не просто на шаг впереди, он еще идет слишком быстро.

У стены валяется сам маркер, крышка слетела. Он еще не до конца высох, значит, убийца оставил его совсем недавно. Почерк — тот же. Уверенный. Медленный. Почти нарочитый.

Я отвожу взгляд и вижу холодильник.

На нем, под круглым магнитом с логотипом какой-то приятной пекарни, один-единственный лист бумаги. Обычная офисная распечатка, шрифт крупный, жирный, а поверх него все тем же маркером две фразы:

«Я знаю, что ты поймешь, Ара. Мы смотрим с тобой в одну сторону».

В груди неприятно сжимается, как будто меня вежливо и безнадежно позвали обратно в ад — туда, откуда я выбралась живой. И все, что я когда-то сделала, снова стало поводом для нового риска.

Я уже знаю, что ничего больше тут не найду. Ни отпечатков, ни следов, ни случайной пылинки. Ни одной царапины на полированной поверхности кухонной реальности. Он

подошел слишком близко и при этом все еще держит дистанцию, будто играет в шахматы, где я даже не вижу доски.

Голова начинает ныть где-то у виска. Сначала едва заметно, потом — с устойчивой навязчивостью. Терпимо, но ощутимо. Как будто кто-то стучится изнутри, не громко, но методично.

Я медленно опускаюсь на пол, опираясь спиной о дверцу холодильника. Металл прохладный, гладкий, и, пожалуй, впервые за весь день — нейтральный. Ничего не хочет от меня, ничего не ждет.

Так меня и находит Рэйчел.
 Она не задает вопросов, не делает резких движений, просто смотрит с высоты своего роста и тихо говорит:
 — Иди домой, Ара. Мы все пришли. У тебя будет время, ты разберешь все спокойно. Ладно?

Я не спорю. Я не из тех, кто легко сдается, но и не из тех, кто прячет бессилие за показной яростью. Сейчас я просто не управляю этим. Почти ничем.
 Но кое-что все еще могу. Хоть что-то.

Я вытаскиваю телефон, легко касаюсь экрана, набирая сообщение:
 «Кай, я приеду. Сейчас».

Не потому что мне что-то от него нужно, а потому что могу. Еще могу контролировать хоть что-то в своей жизни.

Кай открывает дверь не сразу, будто проверяя, кто там, или просто ленится. Когда открывает, я уже почти разворачиваюсь, чтобы уйти.

На нем только спортивные брюки. Тело влажное, свежее после душа, пахнет чем-то мятым и прохладным. Волосы еще мокрые, тянутся тонкими прядями к ключицам. В одной руке — пластиковое ведерко с шоколадным мороженым, во второй — ложка.

— О, — говорит он, растягивая слова и попутно облизывая ложку. — Ты быстро.
 Потом добавляет, отступая внутрь:
 — Заходи. Угощение не вопрос, но тоже освежает. Будешь?

Я захожу, разуваясь машинально, иду следом, ничего не говоря.
 Кухня у него на удивление аккуратная, тут всегда приятно находиться. Я беру из ящика ложку, без лишних слов сажусь напротив входа. Кай протягивает мне ведерко — я копаюсь в поисках кусочков шоколада, как будто это способ пробраться внутрь себя.

Он присаживается сбоку, садится почти прижимаясь ко мне, все еще лениво и будто рассеянно, как будто ему все равно.
 — Ну, как успехи у нашей лучшей в городе? — кивает на меня. — Допросила, вычислила, поймала?

— Тело, — говорю я, между ложками, наполненными десертом. — Еще одно.

Он молчит, потом все-таки уточняет:
 — Кто-то из картеля?

Я качаю головой:
 — Просто женщина. Мать. Тридцать пять лет. У нее осталась маленькая дочь.
 Слова звучат глухо, как сквозь вату. Я снова жадно зачерпываю мороженое. Холод бьет в небо.

Кай сдвигает бровь:
 — А как же Санчес? Информатор, которого грохнули под носом у всех?

Я просто пожимаю плечами:
 — Пока не знаю.
 И снова — в мороженое. Этот вкус — единственное, что сейчас не врет.

Кай наблюдает за мной с видом, будто пытается понять, в каком я состоянии — и стоит ли делать то, что он почти собрался сделать. Но не делает, не сейчас, хотя я и не знаю, что он планировал.

И мы просто молчим. Две ложки. Одно ведерко мороженого.
 И слишком много пустоты между строк.

Когда молчание становится слишком назойливым, наполняющимся моими громкими мыслями, я опускаю ложку на столешницу. Раздается металлический звон, короткий, глухой,

как выдох. От тающего мороженого остается темный след: заметная капля, неровная, расплывчатая, как отпечаток чего-то неназванного. Кай не одобрит, но плевать.

Я поворачиваюсь к нему: — Поцелуй меня.

Кай поднимает взгляд, не удивленный, но выжидающий. Уголки губ чуть приподнимаются: — Ага. Значит, я тебе нужен только ради одного?

— Поцелуй меня, — повторяю, тише, но без колебаний.

Он откладывает ведро в сторону, ложка остается торчать под углом, как флаг перемирия. Потом встает, неспешно, спокойно, как будто не сомневался, что все придет к этому.

Приближается ко мне, подает руку. Я беру ее — пальцы в его ладони тонут, как будто в чем-то теплом и прочном. Он помогает мне встать, движение легкое, но намеренное. Его рука скользит к плечам, снимает плащ, аккуратно, почти с нежностью, и кладет его на спинку стула.

А потом он целует меня.

Без слов, без торопливости, как будто у нас впереди бесконечная ночь, бесконечная жизнь, которой на самом деле нет.

Я расстегиваю свои джинсы сама, нарочито медленно. Не для того, чтобы соблазнять, а чтобы просто позволить себе быть неспешной. Позволить происходить моменту. Кай лишь помогает — стягивает ткань с бедер, пальцы скользят по коже, и он снова смеется, легко, почти ласково.

— Обычно девушки хотя бы пытаются подготовиться, — говорит он, наклоняясь ближе. — Надевают кружево, что-то заманчивое. А ты пошла дальше. Пришла вообще без белья.

Я едва улыбаюсь только уголками губ. Поворачиваюсь к нему, касаюсь его лица, позволяю взгляду задержаться на его губах:

— Если тебе что-то не нравится, я могу уйти.

Он смотрит на меня чуть дольше, чем надо бы, но ничего не говорит. Просто подхватывает под бедра, будто я ничего не вешу, и сажает на стол. Камень столешницы холодный, но я этого почти не чувствую. Он тянет за пояс своих штанов, сбрасывает их — быстро, будто бы между нами не должно быть ничего лишнего.

Я не шевелюсь, просто сижу и дышу глубже, чем обычно. И позволяю себе на секунду отключиться: никаких мыслей, никаких следов, тел, рапортов. Только тепло. Контакт. Он. И я. Живая я.

Он не спрашивает, останусь ли я. Не делает вид, что хочет большего. Не предлагает мне оставить зубную щетку или выбрать сторону кровати. Не спрашивает, все ли со мной в порядке, и это меня только радует. Просто сидит рядом, дышит ровно, доедает уже растаявшее мороженое ложкой из ведерка, как будто между нами не случилось ничего особенного.

Я тоже ничего не говорю. И не потому, что нечего сказать, а потому что любое слово будет лишним.

Когда поднимаюсь, он бросает взгляд — короткий, скользящий по телу без попытки удержаться. Я одеваюсь и почти сразу набрасываю плащ, не торопясь. Прячу волосы все в тот же высокий хвост. Уже поворачиваюсь к двери, но решаюсь озвучить свои действия вслух, просто чтобы обозначить границу:

— Я домой.

Он кивает, но даже не встает со стула. Я подаю ему его штаны, валяющиеся у моих ног и выхожу из квартиры.

Это мой выбор — вернуться в привычную тишину. В пространство, где все мое под рукой, даже одиночество. Где бессонница не враг, а постоянный собеседник. Где можно лежать, не закрывая глаз, и снова и снова перематывать все в голове — от тела на диване до надписи на холодильнике.

Раньше я не могла слишком долго находиться дома, меня постоянно тянуло на работу, в поле, в самую гущу событий. Но теперь дом стал единственным местом штиля посреди бурля-

щего океана. И хотя я не готова была признать это вслух, штиля мне сейчас хотелось больше всего на свете.

Третья глава

Иногда голос проникает в сон так мягко, что ты не успеваешь понять, просыпаешься ли на самом деле или просто переходишь на следующий уровень сновидения. Он не рвет тишину, не зовет тебя отчаянно по имени, не режет слух тревогой. Он просто возникает в пространстве, как будто всегда в нем и находился.
Такой голос разбудил меня.

Глубокий, мужской, спокойный до холода. Приятный почти до нелепости, с этой почти театральной плавностью, но не игрой, а чем-то врожденным и отточенным до совершенства.
В нем не было ярких эмоций, только выверенная интонация, как в добре, за которым угадывается тень.

— Доброе утро, Ара, — он говорил медленно, с едва заметным нажимом на мое имя. — Ты ведь уже ждала моего звонка?

Я не сразу поняла, откуда исходит звук. Комната была темной, как будто ночь отказалась уходить. На секунду показалось, что я не одна, и сердце, вздрогнув, ударило так резко, что заглушило рассудок.
Потом дошло: автоответчик. Тот самый, устаревший, что я забыла выключить. Тот, который обычно никогда не работает. Не должен работать, но последнее время звучит слишком часто.

Я села, не включая свет. Ноги касаются пола, холодного и реального.
Внутри еще не страх, что-то другое. Как будто предвкушение и едва уловимое ощущение, будто кто-то все это время стоял где-то рядом и просто ждал, пока я проснусь.

— Ты ведь слушаешь, да? — продолжил голос. — Мне казалось, ты будешь злее. Но, может, это тоже о тебе кое-что говорит.

Я подошла к столу, медленно, почти осторожно, и сняла трубку.
Пальцы дрожали от странного напряжения, которое не поддавалось объяснению. Как будто тело знало, что делать, еще до того, как я приняла решение.

— Кто ты? — спросила я. Голос вышел ровным, слишком ровным.

— Ты же знаешь. Просто не хочешь себе признаться, — повисла отчетливая пауза. — Или хочешь, но не можешь. Это нормально. Это естественно.
Он говорил, как будто мы знакомы. Близко, давно, почти интимно, без пошлости, но с этим неуловимым оттенком доверия, который невозможно подделать.
Именно он меня выбрал. Не случайно, не потому что я была назначена на дело. Скорее, я была назначена лишь потому что он хотел, чтобы это была я.

— Почему она? — я не отрываюсь от стены, к которой прижалась спиной, как будто она может защитить. — Почему мать? Что сделала она?

На том конце — тишина, но не пустота. Он дышит, слушает, подбирает слова, как хирург — скальпель нужного размера.

— Ты ведь все равно бы задала этот вопрос, — наконец говорит он. — Не потому, что тебе интересно, потому что ты должна.

— Отвечай.

— Она не была матерью. Только образом. Я избавляю ото лжи. От иллюзий. От боли, которая продолжается годами и передается по наследству.

— Ты убил ее за что-то, что она сделала? Или за то, кем она не была?

— Это одно и то же.

У меня пересохло во рту. Слишком много мыслей, они шумят, мешают слышать интонации, спрятанные между строк. А именно там самое важное.

— Ты хочешь, чтобы я тебя поняла? Или чтобы я тебя поймала?

Легкий смехок. Не насмешка — одобрение.

— Тебе всегда нужно все разделить. Свет — тьма. Жертва — палач.
 Он замолкает на пару секунд, и я чувствую, как в паузе слышится движение. Почти отчетливые мысли, его внутренний выбор. И в конце концов он произносит:

— Проверьте ДНК девочки.

У меня щелкает где-то внутри, я замираю:

— Что с ней?

— Ничего. Именно в этом и дело, — он произносит следующее медленно, как будто смакуя, — девочка не ее дочь. Никогда не была. Ее выкрали из больницы в день рождения. Ты знаешь, как это бывает.
 Мурашки пробегают по коже. Он знает, что я начну проверять. Он знает, что у меня есть ресурсы, связи, воля.

— Почему ты мне это говоришь?

— Потому что ты подходишь. Потому что ты смотришь, как я, Ара. И потому что, если кто-то может понять — то ты.

На секунду мне становится не по себе. Как будто кто-то встал вплотную, наклонился, прошептал в самое ухо.
 Я знаю этот голос. Не конкретно его, но узнаю в тембре, в дыхании. В мысли, вложенной между словами. Он похож...
 На кого?

Он перебивает тишину, словно прочитав мои мысли:

— Он бы меня понял, кстати. Твой брат.

Меня ударяет, как током. Холодно, четко, по всему телу: от ключиц до кончиков пальцев:

— Ты не знаешь его.

— А ты — знаешь?
 Он почти ласков и почти жесток, уверенно балансирует на грани этих чувств.

— Мы еще поговорим. — говорит он и резко вешает трубку.

Только тогда я замечаю, что мои пальцы онемели от напряжения, а на ногтях белые дуги от того, как сильно я сжала трубку.

Я проверяю автоответчик: записи нет, история вызовов пуста. Официально никакого звонка не было. Но он был, и я чувствую: будет снова.

Я приезжаю в участок раньше, чем хотела. Спать все равно не получалось, а сидеть дома, вглядываясь в глухую тишину телефона, казалось пыткой. Поэтому я здесь: с чашкой кофе, в той самой серой рубашке, которую не переносу, но все равно надеваю, когда нужно выглядеть «в порядке».

Рэйчел ловит меня у кофе-машины, сталкиваясь со мной почти лбом в лоб.
 — Ты жива, — произносит она тихо и напряженно.
 — Ага, — я отпиваю слишком горячий глоток. — Знаешь, он позвонил.
 — Что?! — Рэйчел срабатывает, как дрессированный пес, почуявший искомое: замирает и, не спрашивая, уходит быстрым шагом, чтобы подать сигнал о находке.

Я даже не успеваю ничего объяснить, но, впрочем, это и не нужно.

Через семь минут я сижу в кабинете начальника, и все трое — Штерн, Рэйчел и Джереми — смотрят на меня так, будто у меня на лбу проступила гравировка «носитель тайного знания».

— Ты что, черт возьми, творишь, Найт?! — голос Штерна гулко разносится по кабинету. Он не кричит, но давит, ломает тоном и вызывает к совести. Так говорят, когда не хотят слушать оправданий, заведомо обвинив собеседника во всех грехах.

Я стою у окна, скрестив руки:
 — Он бы дозволился в любом случае.
 — Ты не имела права брать трубку.
 — Если бы не взяла — вы бы не узнали, что он звонил вообще.
 — Это не повод! — голос Штерна всегда звучит резко, но сейчас — особенно, будто я оскорбила лично его. — Убийца выходит на связь, а ты устраиваешь с ним домашний уютный диалог без единой попытки зафиксировать звонок!

Рэйчел сидит рядом, руки на коленях, сжатые. Она будто и на моей стороне, и готова в любой момент перейти на сторону начальника.

Джереми стоит у стены напротив, молчит, но напряжен до скрипа зубов. Косится на меня, я чувствую взгляд, острый, колющий. Ему уже давно не нравится то, как я себя веду и кем я стала после Смотрящего.

— Все, — отрезает Штерн. — С этого момента прослушка. На все: рабочий, личный, даже на служебный планшет. Все каналы, все входящие и исходящие. Хочешь работать — работай по правилам.
— Делайте, — я просто согласно киваю. Он смотрит, как будто ждал сопротивления. А я ничего не чувствую. Ни гнева, ни страха, ни злости. Внутри — ровно. Холодно. — Только он не попадется.
— Почему это? — вопрос звучит уже скорее раздраженно.
— Потому что он не идиот.

Повисает пауза, и вот тут я делаю шаг вперед, в центр внимания, и меняю само настроение этой беседы.

— Звонок не был бессмысленным, — говорю спокойно. — Он дал наводку на жертву, на девочку.

Штерн шурится:
— Какую еще наводку?

Рэйчел и Джереми тоже не понимают о чем речь.

— Сказал проверить ДНК девочки. Из дела вчерашнего убийства одинокой матери.
— И?
— И я думаю, он оставил нам крючок.
— На что ты намекаешь?

— Что девочка может оказаться не той, за кого ее считают. Возможно, она — пропавший ребенок.
— Есть основания?

— Есть убийца, который все заранее просчитывает. Он не бьет наобум. И он знал, что мы начнем копать. Если проверить ДНК — можно узнать не только, кто девочка, но и почему убили ее мать.

Штерн выдыхает резко, как человек, которому сорвали пятничный вечер и берет в руки телефон:

— Это Штерн. Срочный запрос на ДНК-сверку по ребенку из дела Б-17. Все базы — федеральные, межгосударственные, архив пропавших. Нет, не в понедельник. Сегодня. Пусть хотя бы часть сверки запустят до ночи. Да, понимаю, пятница. Меняйте график.

Он бросает трубку.

— Все. Возьмут образец в срочном порядке. Если ты ошиблась, Ара — это будет на твоей совести.
— Если не ошиблась — тоже, — говорю я тихо.
Он ничего не отвечает.

Весь оставшийся день я сижу за своим столом. Экран светится пустой карточкой дела, не заполненной до конца. Строки нашего с убийцей диалога плывут, я не перечитываю. Я слышу, как щелкают клавиши у других, как кто-то чиркает ручкой, как Джереми разговаривает по внутренней связи, но не поднимаю головы.

Чувствую на себе взгляды: не прямые, скорее скользящие. Те, что вроде как случайные, но каждый — со смыслом. Они не верят или верят слишком сильно. Или боятся. А я просто продолжаю работать. Делаю вид, по крайней мере.

Время тянется, как пережатая резина.

Когда часы переваливают за девять, в коридоре уже тише. Большинство коллег ушло домой. Открываются двери, и из-за перегородки выглядывает стажер, торопливо зовет:

— Ара, вас Штерн к себе.

В кабинете снова пахнет крепким кофе и чужой усталостью. Штерн не встает, просто указывает глазами на стул.

— Садись.

Я сажусь.

Он протягивает мне очень тонкую папку, на ней только номер запроса и печать лаборатории.

— Совпадение. Девочка — пропавшая девять лет назад из роддома в Нью-Джерси. У нас есть ее ДНК с той стороны, родители сдали образцы тогда, по протоколу.

Я пролистываю документы. Вижу фотографии, дату рождения, копию заявления об исчезновении, имена родителей, контакты, старые, может, уже неактуальные. Полиция тогда обыскала все, но девочку не нашли. И вот — она здесь, в этом огромном городе. Жила под чужим именем, с чужой женщиной до вчерашнего утра.

— Где она сейчас?

— У соцработников. В приюте, временно, пока не найдут биологических родителей.

Я перевожу взгляд на Штерна:
 — Я хочу с ней поговорить.

Он оценивающе прищуривается:
 — Это не вопрос.

— Я знаю. Я не буду ее пугать. Но если она что-то видела, что-то слышала. Может, убийца знал ее настоящую семью. Может, он наблюдал за ними давно. Она могла быть целью. Или свидетельницей. Или... — я замолкаю, потому что вариантов слишком много, а слов — мало.

Штерн молчит, потом коротко кивает:

— Завтра утром. Я договорюсь. Но без давления, без откровений.
 — Разумеется.

И только когда выхожу в коридор, понимаю, что руки у меня дрожат. Не от страха. От тяжести. Потому что теперь все стало не просто личным, а связанным с собственным детством. А значит еще более болезненным и сложным.

В участке тишина, только редкие голоса ночной смены и шелест бумаг за перегородкой. Я возвращаюсь к своему столу, неся папку, как будто она весит килограммы, сажусь, щелкаю мышкой, открываю досье отца девочки, затем матери. Решаю не ждать утра, а сама пишу короткое сообщение соцработникам: официальное, ровное, с формулировкой «по срочной необходимости». Через пару минут приходит ответ: «Если успеете до 23:00 — приходите. Девочка еще не спит. Но ненадолго».

Я смотрю на часы: успеваю.

Начинаю собирать материалы, только то, что может пригодиться. Фото из роддома, старое дело о похищении, распечатку анализа ДНК. Аккуратно складываю в папку. Руки двигаются машинально, а мысли — нет.

Она восемь лет жила с женщиной, которую считала матерью, а теперь осталась одна. В чужом здании, с чужими взрослыми, которые улыбаются слишком часто и говорят слишком мягко, как будто это спасает.

Я помню, каково это, когда никто не приходит. Когда каждый вопрос про родителей заканчивается паузой, в которой слышишь только себя. Когда ты делаешь вид, что тебе все равно, потому что иначе расплачешься.

Меня спас мой брат. Он никогда не говорил «я вместо них», но был. Просто был рядом.
 Я не знаю, кто будет рядом с этой девочкой. Но если сейчас я сделаю что-то не так — она это запомнит.

Выхожу в коридор. Навстречу идет Рэйчел с чашкой кофе в руках. Она останавливается, оглядывает меня:

— Ты к ней?

— Да.

— Одна?

— Так будет лучше.

Она чуть хмурится, но не спорит:

— Будь осторожна.

Я киваю, иду к лифту. В груди — нехватка воздуха не от страха, а от того, как легко все рушится. Восемь лет. Одна ночь. Один звонок.

И все заново, все мое прошлое возникает перед глазами.

Приют самый обычный. Серые стены, тусклые лампы. Пахнет вареным мясом и детским шампунем. Охранник у входа зеваает, кивает мне, не вставая. В коридоре встречает соцработник — женщина лет сорока, в простом кардигане и с усталыми глазами.

— Она не спит, — она говорит сразу, без приветствий. — Просто лежит. Иногда разговаривает с собой. Очень спокойная девочка. Пугающе спокойная, если честно.

Я только киваю. Дверь приоткрыта — толкаю ее, захожу.

Девочка сидит на кровати, босиком, в пижаме с какими-то мультяшными животными. Светлая, худая, волосы стянуты в небрежный хвост. Она смотрит на меня спокойно, не удивляясь и не настораживаясь. Только изучающе, будто пытается вспомнить, где мы встречались.

Я присаживаюсь на корточки у края кровати:

— Привет. Я Ара. Можно я с тобой немного поговорю?

Она кивает, потом, после паузы, вдруг уточняет:

— Ты не из тех, кто будет говорить, что все будет хорошо?

Я чуть улыбаюсь:

— Нет. Я не умею так врать.

Девочка будто бы одобряет это. Поворачивается, берет со столика лист бумаги и протягивает мне.

На нем рисунок, совсем детский, неровный, сделанный цветными карандашами. В центре — перечеркнутый круг. Под ним — много маленьких кривых разноцветных молний. Я уже слишком знаю этот символ.

Моя рука замирает:

— Это ты нарисовала?

— Это снилось, кажется, — говорит девочка просто, будто объясняет, почему солнце круглое. — Часто.

— Ты рассказала об этом маме?

Она пожимает плечами, смотрит куда-то в сторону.

— Она говорила, что это — ерунда. Что я много фантазирую. И что настоящие сны не бывают страшными.

Я медленно сажусь на край кровати:

— А ты как думаешь?

— Думаю, она не любила меня. Просто боялась остаться одной. Так говорила ее подруга.

Я смотрю на девочку, и вдруг вспоминаю, как в шесть лет стояла в коридоре приемника, ждала, пока «взрослые все решат». Как воспитательница говорила кому-то за дверью: «У нее странные глаза. Ни разу не заплакала. Даже когда забрали брата».

И как внутри все дрожало от ужаса, но снаружи — только тишина.

— Как тебя звали дома?

— Мэй. Но это не мое имя. Она говорила, что придумала его, когда увидела меня первый раз. Сказала — в мае же родилась, пусть будет Мэй. Я в апреле родилась. Нашла бумагу в ящике. Там было написано.

— А как ее звали? — тихо спрашиваю я. — Ту, кого ты звала мамой?

— Грейс. Грейс Андерсон. Не хотела, чтобы я звала ее иначе. «Мама» — звучит глупо, говорила она.

Я едва не моргаю. Только теперь складывается: Грейс Андерсон — имя последней жертвы. Убийца не соврал, он знал.

Девочка снова смотрит на меня, на этот раз будто сквозь:

— Он спас меня, да?

Я не знаю, что ответить. Не могу и не хочу врать, но и правду озвучивать нельзя. Губы двигаются, но во рту неприятный привкус лжи и осознания. Потому что я понимаю: она не говорит «убийца». Она говорит — «он», как о ком-то знакомом. Как о ком-то, кого видела во сне. А, может, не только во сне.

Я встаю.

— Все будет... — начинаю фразу с запинкой.

Но девочка смотрит с легкой усмешкой, и я замолкаю. Потому что врать я и правда не умею.

Машина едет сама. Не в буквальном смысле, конечно, но я не помню, как выехала со стоянки. Не помню, как свернула на трассу. Руки на руле держу машинально, взгляд направлен вперед, но не всматриваясь в детали. Как будто дорога и я — это одно и то же. Как будто мы уже знаем, куда ведет этот маршрут и из чего он состоит.

Радио молчит. Телефон в кармане тяжелый, как ошибочно выпущенная пуля. Я не включаю ни то, ни другое. Слов слишком много. Но молчания хочется больше.

«Он спас меня, да?»

Я слышу это снова и снова. В голосе девочки не было ни восторга, ни страха. Просто — уверенность. Как будто ей не нужно подтверждение. Как будто она уже приняла, что зло — это не всегда тот, кто убивает. И что добро — это не всегда тот, кто спасает.

Я вспомнила себя. Ту, маленькую, с тонкими руками и в слишком большом свитере, которую никто не забирал. Не потому, что забыли — потому что не хотели. Приемная семья появилась не сразу. До этого были коридоры, светящиеся лампы, молчаливые женщины в халатах и запах антисептика, который я потом годами ненавидела.

Мне тоже когда-то никто не сказал: «Ты теперь в безопасности». Просто в какой-то момент одно страшное закончилось и началась другая форма тишины.

Я не знаю, что значит быть спасенной, я умею только выживать.

Фары машин снуют мимо. Чужие лица мелькают за окнами машин, кто-то зевает, кто-то разговаривает, кто-то держит руку на плече пассажира. Нормальная жизнь продолжается где-то за пределами моей жизни.

А у меня — новая точка в деле. Новый символ, нарисованный детской рукой. Новый шрам, который не видно снаружи. И одна фраза, которую я слышу теперь в голове голосом того, кто звонит мне по ночам:

«Ты все поймешь».

Может быть.

Но мне уже не хочется понимать. Хочется просто выдохнуть хотя бы на секунду. Один раз расслабиться без ощущения, что кто-то следит, кто-то дышит мне в затылок, кто-то перебирает чужие сны и чужие детства, чтобы решать, кому жить, а кому — нет.

Я включаю поворотник, машина поворачивает в мой квартал, двигаясь домой.

И впервые за долгое время я думаю: а что, если он прав? Что, если я смогу понять его?

Четвертая глава

Я захожу в квартиру, не включая свет. Старая привычка — проверить, все ли на своих местах, прежде чем позволить себе расслабиться и выдать свое присутствие в квартире. Но сейчас дело не только в привычке, просто темнота меньше давит, чем пустота.
Обувь скидываю, не глядя, оставляя рядом с порогом. Куртка скользит с плеч и повисает на крючке так, будто кто-то другой ее повесил здесь и забыл. В кухне тихо. В спальне тоже. Даже холодильник молчит, как будто затаился, чувствуя, что мне нужно это беззвучие. И все равно оно, такое необходимое, давит на мысли.

На кухонном столе мигает крошечный красный огонек — автоответчик. Я смотрю на него, как на чужую вещь. Кажется, не трогала его вечность. Ни одна часть меня не рассчитывает услышать что-то важное. Но пальцы уже тянутся к кнопкам, не спрашивая разрешения у мозга.

— Может, он звонил. Может, все-таки решил связаться повторно. Это важно для дела, — говорю себе вполголоса, будто произношу заклинание для оправдания.

Звучит механический щелчок, потом долгая пауза и после нее — неприятный писк.
Сообщений нет. Ожидаемо пусто.

И все равно что-то внутри колет от разочарования, как будто я все-таки надеялась услышать сообщение, хотя сама до конца в этом и не призналась. Надеялась хоть на слово, на тень звука, на дыхание. На то, что он захочет еще раз связаться со мной.
Это — ради дела. Только ради него.
Я повторяю себе это снова и снова, пока сама не начинаю в это верить и забываю о том, как сильно мне хотелось бы разобраться в мотивах такой борьбы со злом. В мотивах и способах...

Я сажусь за стол, чуть отодвигая чашку, в которой еще утром был кофе, но теперь осталась только грязная тень на дне. Открываю папку с новыми собранными материалами, документы шуршат, как сухие листья: чужие имена, чужие жизни, чужая ложь. Биография Грейс Андерсон вылизана, как витрина дорогого бутика. Безукоризненное резюме, стабильные выплаты сотрудникам, активное участие в благотворительности. Только нестыковки все-таки торчат из этого идеального образа, если знать, куда смотреть.

Я листаю медицинские отчеты, справки, подписи соцработников на проектных документах, благодарности от политиков. Среди них попадаетесь знакомая фамилия. Где-то я ее уже точно видела. Я копаюсь глубже в своей памяти и вспоминаю: это имя всплывало в старом архивном деле, которое мы так и не раскрыли. Тогда пропала девочка, почти совершеннолетняя — исчезла после встречи с этим самым чиновником. Дело тогда захлопнулось, как гроб.

Я кладу фотографию Грейс рядом с ее налоговой историей и выписками из медцентров. Все аккуратно, стерильно, слишком гладко, чтобы быть правдой. Она не была просто женщиной, решившей стать матерью. Она точно знала, что делает, была частью чего-то системного. Частью торговли людьми. И, что еще ужаснее, детьми.
Голова начинает нудно гудеть — как всегда, когда я слишком долго держу все в себе. Я откидываюсь на спинку стула, провожу пальцами по лбу и вдруг вспоминаю голос брата. Сухой, усталый, но с той странной усмешкой, которая всегда предшествовала чему-то тяжелому:

— Некоторые двери полиция не открывает. Даже если из-за них пахнет мертвечиной.

Он знал. Он уходил на глубину, в которую я пока только заглядываю. И, может быть, именно там он и остался.

Он тогда еще был подростком, только-только подобравшимся к совершеннолетию, но уже тогда утратил веру в справедливость...

Я собираюсь вернуться к записям, но не возвращаюсь. Мозг будто проваливается в вату. Голова опускается, щекой я утыкаюсь в край папки. Руки соскальзывают с бумаг. Пустая кухня,

теплый свет лампы, приглушенный гул города за окнами — все это укачивает, как детская колыбельная.

Сон приходит без предупреждения, без образов, без боли, без следов реальности. Просто темнота, мягкая, как плед. И я ухожу в нее с облегчением, будто ненадолго вынырываю из чужой жизни. Потому что каждый сон, в котором нет страха, — это подарок. И я не знаю, когда проснусь, но впервые за много дней мне все равно.

Утро пятницы наступает мягко и ненавязчиво. Кажется, это одно из самых моих приятных пробуждений за последнее время. Город просыпается вместе со мной, но еще неохотно. Я выглядываю в окно, и замираю на несколько мгновений, рассматривая влажный асфальт, следы от шин, мусор, подхваченный ветром, который играет с ним, как с чужими письмами. В участке я не спешу, вместо суеты направляюсь туда, где, как ни странно, по-прежнему можно найти правду между строк.

Архивный отдел всегда пахнет плесенью и старой бумагой. Женщина за стойкой узнает меня — мы с ней пару раз сталкивались, когда я вытаскивала материалы по исчезновениям начала двухтысячных. Она кивает молча, и я прохожу к терминалу, запрашивая все дела, где хотя бы упоминалась Грейс Андерсон, ее клиника или сотрудники.

Вначале все как по учебнику. Биографии все также вылизаны, там ничего нового. Карьеры — последовательные, отчеты — образцовые. Медицинская страховка, прописка, даже счета: у каждого, чье имя я нахожу, скучная, безупречная жизнь, соответствующая заявленному уровню. Но именно это и странно. Слишком много стерильного. Как будто существование жертвы и окружающих ее людей построено по шаблону, чтобы не за что было зацепиться.

Я копаю глубже. Вытаскиваю реестры фондов, в которых она когда-то числилась волонтером. Медицинские центры, куда она якобы ездила с проверками, но, по факту, эти поездки никак не отражены в ее рабочих отчетах. Больше того: она посещала один и тот же частный госпиталь минимум трижды за последние восемь лет. Госпиталь, официально занимающийся анонимными родами и «медицинским сопровождением сложных случаев».

В бухгалтерской базе всплывают странные транзакции. Небольшие, разбросанные, как будто случайные, но их отправители повторяются. Частные лица, не связанные с основной деятельностью Грейс. Одно из имен — опять тот самый чиновник, что уже попадался в старом деле о пропавшей девушке. Второе — женщина, владеющая сетью частных клиник за городом. Третье... Я записываю все в блокнот. Эти имена не всплывают на поверхности, но они все-таки выныривают время от времени и цепляют мое внимание.

В какой-то момент я замечаю: руки дрожат, как будто тело чувствует напряжение раньше сознания. Весь этот список имен не про убийство, он про систему. Сложную, глубокую, будто трещины в асфальте, которые ведут вниз, к канализации, полной костей.

Меня никто не дергает, никто не ждет в участке, и в этом есть что-то правильное. Потому что теперь я хочу добраться до конца прежде, найти разгадку раньше, чем он снова позвонит. Прежде чем он скажет, кого «спасать» следующим.

В участке привычно, почти успокаивающе пахнет уставшими людьми, кофе и гарью от старого кондиционера. Уже поздно, вечер — время, когда большинство разъезжается, оставляя здание почти пустым, под контролем незаметной ночной смены. Я откладываю материалы на своем столе, захватив только самые конкретные документы, подхожу к двери и на секунду замираю: внутри что-то сомневается. Но потом все-таки стучу.

Через несколько минут мы с ребятами сидим в кабинете Штерна. Начальник устало откидывается на спинку кресла, руки сцеплены в замок. Джереми с непроницаемым лицом, но пальцы у него постукивают по колену, нервно, но четко, будто метроном. Рэйчел молчит, но держится рядом, как всегда, когда хочет не дать мне уйти слишком далеко.

Я раскладываю на столе распечатки. Копии архивных дел, список имен, фотокопии постановлений, которые когда-то так и не привели к арестам.

— Это не просто совпадения, — говорю я. — Слишком много дел. Пропажи новорожденных, младенцев. Большинство из больниц, роддомов. Почти ни одно не раскрыто. — И почти ни одно не стало громким, — добавляет Рэйчел. — Все либо «внутренние расследования», либо «технические ошибки учета».

Штерн перелистывает страницы медленно, с каменным лицом. В какой-то момент поднимает глаза:

— И ты думаешь, Грейс Андерсон была в этом замешана?

Я пожимаю плечами.

— Как минимум либо частично, либо точно была в курсе. У нее связи с клиниками, с частными фондами. Подозрительные транзакции. И девочка — та, что у нее жила — похищена из роддома. Все совпадает. Слишком на поверхности. Слишком гладко.

— Может, она просто не знала, — говорит Джереми. — Или ей сказали, что ребенок от матери, отказавшейся официально. Такое тоже бывает.

— Бывает, — киваю я. — Но он знал. Тот, кто ее убил — знал. И, может, поэтому девочка жива. Может, он действительно спас ее.

Повисает тишина. За окном сирена скорой проползает по улице, отдаленным воем.

— Ты хочешь сказать... — начинает Штерн, но я перебиваю:

— Я не оправдываю убийство. Но мы не можем закрыть глаза на то, что за ним может быть спрятано. Мы идем по следу, который он проложил. Значит, он ведет куда-то. И, черт возьми, если там дети — я хочу знать.

Рэйчел опускает взгляд, но кивает. Штерн молчит, тянется за телефоном. Джереми продолжает стучать пальцами: отчетливо, глухо. Словно отсчитывает, сколько еще можно держаться, прежде чем все это рухнет.

Когда я выхожу из участка, город уже погружается в вязкую, густую тьму, в которой даже уличные огни выглядят уставшими. Пятничный вечер — это иное время для большинства, момент расслабления, для кого-то обещание передышки, бокала вина, голосов на кухне, запахов еды и телевизора фоном. Но не для меня. Для меня это лишь переход из одного режима тишины в другой, чуть более персональный, чуть более незащищенный.

Я сажусь в машину и поворачиваю ключ в замке зажигания. Радио включается автоматически — фоновый шум, к которому я давно привыкла и который раньше был ничем, просто слоем между мной и внешним миром. Но сегодня этот слой вдруг становится проницаемым: голос ведущего — мужской, глубокий, чуть глуховатый, будто приглушенный — задевает что-то внутри, скребет по нервам, заставляет напрячься, как будто мышцы запоминают, где именно болело в прошлый раз. Это не он. Я точно знаю, что не он. Но тембр слишком похож, интонации слишком точны, и мне приходится усилием воли напомнить себе: это просто человек, читающий новости. Просто голос, вынырнувший из эфира. Просто совпадение.

Я делаю звук чуть тише, но не отключаю совсем, как будто надеюсь, что он все же заговорит, скажет что-то между строк, что-то, что услышу только я. И в то же время боюсь именно этого. Внутри поселилось странное напряжение, с которым невозможно ни бороться, ни договориться — оно просто есть. Оно сидит в груди, в руках, в горле. Оно становится дыханием.

Когда я приезжаю домой, в квартире встречает комфортная темнота, как будто кто-то заботливо погасил все огни заранее. Я не включаю свет сразу. Только телевизор: первой кнопкой, на автомате, как будто спасаюсь не от одиночества, а от собственного ума, от мыслей, кружащих вокруг одной мысли о том, что он есть, он существует. Он рядом, где-то в этом городе, и он говорит со мной. И все, что происходит сейчас — это не наша охота на него, а его игра со мной.

На экране мелькают лица, кадры, движущиеся картинки, и все кажется настолько бессмысленным, что хочется выключить звук. Но я оставляю все, как есть, пусть болтают, пусть

кричат, пусть смеются. Я сижу и смотрю, не видя ничего. Прислушиваюсь — не к словам, не к сюжетам — к голосам и их звучанию.

И снова раздается щелчок. Я почти бессознательно нажимаю на автоответчик. Старая машинка на тумбочке рядом с креслом все еще включена. Все еще жду нового звонка.

Но там пусто, как и обычно.

Но каждый раз, когда я нажимаю кнопку, я лгу себе. Говорю: вдруг что-то упустила. Вдруг не заметила сигнала. Но на самом деле я надеюсь. Надеюсь, что он все же заговорил снова. Что не исчез. Что оставил мне что-то, хотя бы фразу, хотя бы паузу, в которой можно услышать дыхание.

Но ничего нет.

Я откидываюсь на спинку кресла и закрываю глаза. Город за окнами шумит, дышит, живет своей жизнью, а я сижу в собственной голове, в своем теле, и думаю только об одном — как он это сделал. Как он узнал. Как мы пошли туда, куда он, возможно, хотел нас привести с самого начала.

Он словно уже стал частью моей памяти, моего слуха, моей интуиции.

Теперь, когда я слышу мужской голос — на радио, в лифте, в магазине — я вздрагиваю, ищу знакомое, прислушиваюсь. Вглядываюсь в людей, даже если не вижу их лиц. Я не просто слушаю, я ловлю. Я охочусь, как он охотится.

И вдруг понимаю: он уже внутри.

Он не просто голос в трубке и знак на стене. Он стал чем-то большим. Следом, отпечатком, тенью, которая движется рядом. И теперь каждый шаг, который я делаю — мой, но тропинка под ногами проложена им.

И я не знаю — это все еще расследование или уже чей-то спектакль?

Пятая глава

Обычно в это время в участке гулко и холодно, как в церкви до прихода первого прихожанина. Свет включен частично, компьютеры дремлют, и по коридорам гуляет редкий стук каблучков тех, кто пришел слишком рано или не уходил вовсе. Сегодня я среди первых. В этом есть своя прелесть — быть здесь до всех, в ощущении, будто город еще не проснулся и ты можешь дышать и думать, пока он молчит.

Штерн уже на месте. Его кабинет полуприкрыт, как всегда, и я не успеваю пройти мимо, прежде чем он поднимает голову от бумаг.

— Детектив. Не рановато? — спрашивает начальник, всматриваясь в меня поверх очков.

Я чуть пожимаю плечами, подходя ближе. Голос выходит ниже обычного, не потому что успела устать, а потому что мысли еще не проснулись полностью.

— Есть зацепки. Хочу попробовать пройти по следу, как по крошкам, что остались после Грейс. Не прямые улики, а то, что выбрасывают, когда думают, что никто не собирает. Хочу проверить все имена, даже случайные.

Он изучает меня с минуту, будто решает, не свалюсь ли я в обморок через пять минут, потом кивает.

— Работай. Только не перегори. И докладывай, если что-то серьезное.

Я благодарно киваю и иду на кухню, чтобы найти себе дозу утреннего спасения. В самый дальний шкаф кто-то засунул кружку размером с мой череп, и я не колеблюсь: заливаю ее крепким, почти черным кофе, который здесь называют «для тех, кто был на смене трое суток». Автомат выдает батончик с орехами: не самый лучший завтрак, но и не худший.

Рабочее место ждет меня в уютной полутьме. Я опускаюсь в кресло, оборачиваюсь к монитору, и мир вокруг сужается до экрана, до клавиш под пальцами, до запаха кофе и ощущения, что, может быть, сегодня мы и вправду сдвинемся с мертвой точки.

Пока все спокойно. Пока в участке все еще звучит тишина, но в этой тишине уже чувствуется ритм работы. И в этом странное, но приятное утешение.

Впрочем, зацепка у меня действительно есть. Я возвращаюсь к имени, которое уже всплывало в одном из закрытых дел — сенатор Томас Уитлоу. Тогда оно выглядело как случайное совпадение. Сейчас уже нет.

Этот чиновник известен на весь Нью-Йорк, если не дальше. Высокий пост, крепкая репутация, официальный профиль на каждом крупном портале, регулярные интервью. Он курирует социальные программы, в том числе в здравоохранении. Слишком большой человек, чтобы лезть в серую зону. Или чтобы подозревать, что в его биографии вообще может быть серая зона. Но я начинаю смотреть глубже.

Его имя числится в попечительском совете фонда, поддерживающего клинику, где на самом деле родилась Эмма-Мэй. Официально его цель — благотворительность, помощь матерям-одиночкам, медицинские стипендии. На сайте фонда расположились улыбающиеся врачи, младенцы в розовых и голубых шапочках, графики роста финансирования. Ничего подозрительного.

Но я ведь знаю про другое совпадение: три года назад в другой клинике, куда, по данным дела, обращалась девушка, позднее пропавшая, Уитлоу проходил свидетелем. Он не был обвиняемым или подозреваемым. Он просто знал кого-то, кто знал кого-то, кто работал тогда на приеме социально-неблагополучных граждан. Связь как будто вымышленная, слишком тонкая, чтобы быть заметной. Но теперь, когда я вижу ее на фоне остальных, все начинает казаться немного более подозрительным.

Он также числится среди меценатов, поддерживающих частные учреждения, занимающиеся «экстренным усыновлением»: программами, где детей передают в семьи в течение

недели, иногда без полного пакета медицинских или социальных заключений. Это законно, быстро и удобно. И почти не контролируется

И есть еще один пункт: Грейс Андерсон жертвовала средства на его политическую кампанию. Небольшие суммы, разбитые на несколько траншей, но с одного адреса, по одной схеме. Мейл подтвержден. Подпись — тоже.

Я сижу, листая документы, скриншоты, донорские реестры, имена кураторов фондов. Все это не доказательства, просто набор интересных, странно совпадающих деталей. Пока еще пазл не сложился, но узоры уже проступают на поверхности этого омута.

Я не готова идти к сенатору с пустыми руками. Он слишком большой игрок, чтобы разговаривать просто так. Слишком много у него связей, чтобы задавать вопросы без подготовки. А потому я достаю служебный планшет, делаю пометку и киваю себе самой:

— Надо проверить клинику.

Я решаю отправить патрульных в больницу. Им надо просто подойти к медикам, расспросить старших медсестер, порыться в регистрационных записях, если остались. Посмотреть, были ли другие случаи — дети, родившиеся в этом здании, но позже исчезнувшие. Кто-нибудь, кто оформлялся, но не дошел до официального списка граждан. Или наоборот: кто числился в базе, но никогда не появлялся в свидетельствах.

Мне нужна статистика. Мне нужно хоть что-то, кроме повторяющихся имен и моих предположений, что это все не просто так.

Патрульные возвращаются слишком быстро.

Я поднимаю глаза от монитора, иду навстречу. Мужчина в форме кивает сдержанно, как всегда, а девушка стоит чуть позади, но держится уверенно. С ними я чувствую себя спокойно: Мэтт Беннет — старый напарник, человек, который знал меня еще когда я сама была младше той девчонки, с которой он теперь работает в паре. Он не скажет «все чисто», если не убедится на сто процентов. Он никогда не блефует. Лана Пирс — его бывший новичок, недавно сдавшая экзамен. Острый взгляд, быстрое мышление. Команда, которой я доверяю.

— Рановато, — замечаю я, и в голосе слышится вопрос.
Мэтт хмыкает, без улыбки:
— Нас там как будто ждали.

Он молчит с полминуты, давая мне понять, что не все прошло гладко.

— Начали с ресепшен. Медсестра — приветливая, общительная, сразу согласилась помочь. Стала открывать год за годом родовые журналы, хотела посмотреть, есть ли имя Эммы или что-то похожее. Но буквально через пару минут появился врач. Судя по бейджу — главврач родильного отделения, — вклинивается Лана, — и сразу встал между нами и терминалом. Ни грубости, ни шума. Просто сказал, что без ордера нам ничего не покажут. И проводить нас любезно предложил.

— Прозрачно вежливый, — добавляет Мэтт. — В стиле «прекрасный день, офицер, до свидания».

Я киваю, меня не удивляет такая реакция. Все как обычно, мало кто хочет идти на контакт с полицией, особенно если у него есть свои грязные секреты. Так и эта клиника: приятный фасад, за которым хочется вскрыть стены и проверить каждый кирпич.

— Это еще не все, — продолжает Лана. — На выходе та самая медсестра нас догнала. По виду нервничала. Сказала, что официально ничего дать не может, раз такое распоряжение начальства. Но, если нам интересны странные истории, она вспомнила одну.

Я поворачиваюсь к полицейской всем телом:
— Говори.

— Девять лет назад клиника попала в ситуацию, которую быстро «прикрыли». За полгода у них исчезли восемь младенцев. Все — новорожденные. Разные семьи. Случаи не тянулись друг за другом, а случались с промежутками: сначала один, потом два, потом четыре почти подряд. Кто-то поднимал шум, но, по ее словам, все быстро замялось на каком-то «высоком

уровне». После этого клиника сменила охрану, установила новые пропускные системы, и почти весь ночной персонал сменили. Уволили даже тех, кто просто работал с бумагами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.